

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОВЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАН АЗИИ*

Новые индустриальные страны Азии (НИС) – Тайвань, Южная Корея, Гонконг и Сингапур – с момента своего появления на мировой арене вызывают интерес со стороны экономистов. Будучи некогда периферийными экономиками, эти страны за несколько десятилетий достигли поразительных результатов в своем экономическом развитии, сравнявшись с развитыми странами по уровню дохода, диверсифицированности экономики и технологического развития. Данная группа стран представляет собой «первую волну» азиатских НИС, вслед за которой последовало следующее поколение – Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины. В экономиках этих стран много различий, но еще больше схожих черт, что и позволяет относить их к так называемой восточноазиатской модели. В качестве ее определяющих особенностей можно выделить: высокие темпы роста ВВП и душевого дохода, сопровождающиеся сокращением социального неравенства; высокую норму накопления и инвестирования, обеспеченные высокой нормой сбережения; экспортную ориентацию и открытость экономики; активное участие государства в экономике; макроэкономическую стабильность; авторитарные технократические правительства; дешевая рабочая сила и др.

В настоящей работе внимание будет сосредоточено на западной литературе, посвященной азиатским НИС «первой волны». Данные исследования выполнены в рамках различных подходов и теорий, например, «теории зависимости», неоклассической теории, «ревизионистского» подхода (developmental

---

* В основу данной работы положен методологический подход, предложенный П.М. Мозиасом в статье «Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки»// Проблемы Дальнего Востока, 2001, №№1, 2.

state). Рассматриваемый материал также позволяет очертить круг аспектов, вызвавших наибольшее количество дискуссий и точек зрения. Среди них вопросы о месте иностранного капитала в экономическом развитии, эффективности государственного вмешательства в экономику, значении экспортной ориентации для экономического успеха азиатских НИС, а также воспроизводимости этого опыта в других развивающихся странах.

Одна из первых попыток проанализировать экономическое развитие НИС Азии была предпринята в рамках «теории зависимости». Согласно ей, мировая экономическая система представляет собой двухуровневую иерархию – Центр-Периферия¹. В силу отсутствия достаточного объема национального капитала процесс индустриализации в странах Периферии невозможен без участия капитала из Центра. Зависимость от иностранного капитала в долгосрочном периоде порождает два основных негативных последствия для экономики Периферии: ограниченный экономический рост и увеличение неравенства в распределении доходов. Кроме того, давление со стороны иностранных инвесторов и внешнеэкономическое вмешательство ослабляет роль национального государства в экономике, препятствуя эффективной реализации промышленной политики и формированию полноценной промышленной структуры². «Теория зависимости» во много опиралась на опыт стран Латинской Америки и поэтому хорошо объясняла особенности развития экономик этого региона.

Однако впечатляющие экономические успехи азиатских НИС в виде успешно проведенной индустриализации, высоких темпов экономического роста и сокращающегося социального неравенства при наличии всех видов внешнеэкономической зависимости (иностраннные инвестиции, финансовая помощь, государственные займы, торговля) заставили расширить и даже пересмотреть основные положения «теории зависимости», однако не сразу.

Известный американский ученый Б. Камингс, анализируя в рамках данного направления экономическое развитие Южной Кореи и Тайваня, видит причину экономических успехов этих стран в особом внешнем контексте, без которого рассмотрение каждой страны в отдельности представляется бессмысленным.

По мнению автора, именно внешний контекст взаимоотношений этих стран сначала с Японией, а затем США, и привел к экономическому «чуду». Более того, Б. Камингс находит это влияние достаточно благоприятным в силу ряда причин. Например, особый характер японского колониализма: в своих колониях Япония создавала объекты транспортной и коммуникационной инфраструктуры, предприятия тяжелой промышленности, а в послевоенное время из бывшей метрополии по механизму жизненного цикла продукта в Корею и Тайвань стали перемещаться трудоемкие отрасли³. Гегемония США, наступившая с 1945 г., принесла Корее и Тайваню большие объемы финансовой помощи, способствовала ускорению земельных реформ и переходу к экспортной ориентации⁴. Тем не менее, Б. Камингс не рассматривает проблему взаимоотношений с иностранным капиталом, оставляя без ответа главный вопрос – почему азиатским НИС удалось избежать традиционных «побочных эффектов» зависимости.

Влияние иностранного капитала на национальную экономику более подробно анализируется в работах П. Эванса. Основываясь на эмпирических данных, он приходит к выводу, что в индустриализации азиатских НИС иностранный капитал играл ограниченную роль, в то время как в Латинской Америке этот процесс происходил при активном участии иностранного капитала. Зависимость же азиатских стран лежала в плоскости торговли и иностранной помощи⁵. Однако и в этом случае удалось избежать негативных последствий. П. Эванс объясняет это тем, что финансовая помощь со стороны США не использовалась для обслуживания интересов иностранных инвесторов и местной традиционной элиты, а экспорт стран в основном состоял из промышленных товаров, а не сырьевых. Выведя на поверхность все эти различия, П. Эванс продемонстрировал, что, в отличие от Латинской Америки, индустриализация в Восточной Азии происходила в противоположных условиях, и ожидать такого же негативного исхода, как в латиноамериканских НИС, не приходится.

С другой стороны, как отмечает П.М. Мозиас в комментарии к работе П. Эванса, в качестве причины подобных результатов также нужно рассматривать особенности экономической

политики государств в каждом из регионов. А именно, «различные последствия присутствия иностранного капитала в латиноамериканских и азиатских экономиках связаны с различиями в государственной политике привлечения иностранных инвестиций – более либеральной в Латинской Америке и более протекционистской в случае с Тайванем и Южной Кореей»⁶. Главный же вывод состоит в том, что «национальное государство может воздействовать на характер вовлечения экономики в мирохозяйственные связи»⁷, и базовое положение теории об определяющем влиянии внешней среды не соответствует реальности.

Это скрытое противоречие было проанализировано в работах Р. Барретта и М. Уайта. Представленные фактические данные опровергали тезис о том, что иностранные интересы ТНК и иностранное экономическое вмешательство делает государство в азиатских НИС слабым и препятствует эффективной реализации промышленной политики⁸. Авторы не только констатировали отсутствие традиционных последствий зависимости от иностранного капитала, но и увеличение темпов роста и сокращение социального неравенства при появлении ПИИ, пришедших на смену американской финансовой помощи. Критикуя слишком общий подход «теории зависимости» к иностранному капиталу, исследователи утверждают, что последствия зависимости могут быть и позитивными, что и демонстрируют азиатские НИС. Характер последствий зависит от области приложения иностранного капитала (сельское хозяйство, промышленность, инфраструктура), а также от конкретной отрасли (добывающая, легкая, тяжелая промышленность)⁹.

Еще дальше от первоначальных положений «теории зависимости» уходит американский экономист Г. Джереффи. По его мнению, долгосрочный экономический рост в зависимом положении реален, и достигается благодаря активной роли государства, которое способно управлять своей зависимостью (dependency management) в сфере международной торговли и иностранных инвестиций. Государство может использовать внешние экономические ресурсы продуктивно и избирательно, не принося при этом в жертву национальные интересы. С этих позиций объясняется успех азиатских НИС в экспортной тор-

говле, в основе которой лежит способность национальных фирм эффективно управлять своим зависимым положением в сфере международной торговли и иностранных инвестиций¹⁰.

Таким образом, объяснение азиатского опыта экономического развития вызвало трудности для сторонников этого направления уже на теоретическом уровне. Тезис об активной роли государства в экономике, который так или иначе звучит в проанализированных работах, подрывает основы «теории зависимости», а именно, положение о решающем влиянии внешней среды. Предсказания данной теории также не подтверждались и в реальности: азиатские НИС стремительное сокращали отставание от развитых стран, как по уровню доходов, так и по уровню развития промышленности.

Неоклассический подход к анализу экономического развития азиатских НИС исходит из других позиций. В первых работах в рамках этого направления (Б. Балаша, Я. Литтл, Э. Чен, Х. Хьюз) утверждается, что экономические успехи азиатских НИС стали возможны благодаря опоре этих стран на рыночные стимулы, которые обеспечивали эффективное распределение ресурсов. С этой точки зрения, экспортная ориентация рассматривалась как следование рыночным сигналам, сопровождаемое перераспределением ресурсов в те отрасли, где страна имеет сравнительное преимущество. Эволюция промышленной структуры азиатских НИС трактовалась как естественный процесс изменения наделенности факторами производства, а не результат целенаправленной промышленной политики. Более того, в ранней неоклассической литературе о вмешательстве государства в экономику практически не говорилось¹¹. Таким образом, ограниченная роль государства, сводившаяся к реализации своих традиционных функций (обеспечение макроэкономической, политической стабильности, правоприменение, инвестирование в образование и т. д.), экспортная ориентация, открытость экономики и «невидимая рука» рынка – таков рецепт экономического «чуда» от азиатских НИС для других развивающихся стран в интерпретации неоклассиков¹². Преимущества этой стратегии особенно выделялись при противопоставлении с опытом латиноамериканских стран, которые пошли по пути импортозамещения и активного государственного вмешательства

ва. Ссылаясь на негативный опыт этих стран, неоклассики позиционировали экспортную ориентацию и открытость национальной экономики как наиболее эффективную стратегию индустриализации, тем более в ситуации узости рынков азиатских НИС¹³.

Однако сама динамика экономического развития азиатских НИС показала, что противопоставление импортозамещение / протекционизм / активное государственное вмешательство (Латинская Америка) – экспортная ориентация / либерализация / опора на рыночные стимулы (Восточная Азия), которой придерживались многие теоретики неоклассического направления, представляется слишком упрощенной. Во-первых, в Южной Корее и Тайване имели место этапы первичного и вторичного импортозамещения, которые сопровождались проведением протекционистской политики (количественные ограничения импорта, высокие таможенные барьеры, множественный валютный курс и т.д.), что не воспрепятствовало их экономическим успехам. Во-вторых, вторичное импортозамещение, происходившее в Корее и Тайване в 1970-х гг., никак не соответствовало механизмам эволюции сравнительного преимущества и следованию нейтральным рыночным стимулам. В этой связи отрицать активное государственное вмешательство, как это происходило ранее, стало бессмысленным, однако его оценки были однозначно негативными. Пример Южной Кореи, взявшейся за создание производств в области тяжелой и химической отраслей, стал для неоклассиков наглядной иллюстрацией пагубных последствий государственных интервенций¹⁴. В-третьих, экспортная ориентация не означала полной либерализации торговли, в то время как неоклассики были склонны отождествлять эти два понятия.

Важные замечания по этому вопросу можно найти в работе Л. Вестфалья, который утверждал, что государство проводит направленную промышленную политику (система ненейтральных стимулов) только по отношению к импортозамещающим «зарождающимся» отраслям (*infant industries*), в то время как экспортные существуют условиях практически свободной торговли (система нейтральных стимулов)¹⁵. Однако автор вносит два существенных уточнения: первое касается режима свобод-

ной торговли, который существовал только по отношению к промежуточным товарам, предназначенным для экспортных отраслей; второе говорит о наличии государственного таргетирования в экспортных отраслях. Таким образом, государственное вмешательство в распределение ресурсов присутствовало и в экспортном секторе, хотя имело меньшее значение, чем нейтральные (рыночные) стимулы¹⁶.

В отношении «зарождающихся» отраслей применялся весь спектр селективных мер (преференциальный доступ к кредиту на льготных условиях, сокращение или освобождение от прямых или косвенных налогов), которые существенно дополнялись протекционистской политикой, реализуемой в основном посредством импортных квот и лицензий. Так, иностранные поставщики получали импортные лицензии только в том случае, если отечественные производители не могли предоставить альтернативу на приемлемых условиях¹⁷. Государство поощряло выход «зарождающихся» отраслей на мировые рынки, тем самым стимулируя процесс превращения импортозамещающих отраслей в экспортные. Можно сказать, что речь шла о едином процессе, в котором при активной промышленной политике и протекционистских мерах создавались новые отрасли, в дальнейшем становившиеся экспортными и обеспечивавшие новое сравнительное преимущество. Подобная стратегия давала возможность создавать новые сравнительные преимущества, одновременно используя старые в уже сложившихся экспортных отраслях¹⁸.

Своеобразный итог неоклассической интерпретации экономического развития азиатских НИС подводится в отчете Всемирного банка 1993 г.¹⁹. В отличие от предыдущих неоклассических исследований, в данном отчете предпринята попытка проанализировать различные формы государственного вмешательства, в том числе на предмет их эффективности. Утверждается, что государство проявляет себя в экономике посредством базовых мер экономической политики (обеспечение макроэкономической стабильности, правоприменение и пр.), интервенционистских, основная задача которых состоит в исправлении сбоев рыночного механизма, и агрессивных селективных вмешательств, не согласующиеся с рыночными стимулами.

Признание Всемирным банком наличия государственных интервенций в восточноазиатских странах, которые некогда служили для неоклассиков иллюстрацией экономического развития с опорой на рыночные механизмы, стало знаковым событием. Однако при всей кажущейся радикальности изменений, данный отчет выдержан в рамках неоклассической парадигмы и является попыткой встроить факты в уже имеющуюся схему. Об этом свидетельствует несколько особенностей исследования. Авторы утверждают, что в реализации мер, относящихся к первым двум группам, азиатские НИС оказались более успешны, нежели другие развивающиеся страны. Тем не менее, исследователи не торопятся делать выводы относительно эффективности селективной (промышленной) политики. В качестве причин приводится многое, в том числе, методологическая проблема: сложно установить характер влияния конкретного вмешательства (положительное, отрицательное или нейтральное) на экономический рост или структурные изменения в экономике, поскольку нельзя узнать, были бы достигнуты те же результаты в отсутствие государственного вмешательства. Более того, по мнению авторов, невозможно определить, что явилось результатом работы базовых мер, а что – интервенционистских²⁰. Однако наличие подобных методологических трудностей не мешает прийти к выводу о незначительном влиянии промышленной политики и даже о ее неэффективности²¹. По мнению некоторых исследователей, вывод о незначительном влиянии промышленной политики на динамику структурных сдвигов делается без тщательного анализа возможных ее позитивных эффектов²². Создается ощущение, что, рассуждая об эффективности интервенционистских мер в общем и промышленной политике в частности, авторы исходят из априорного положения о неэффективности государственных вмешательств, что характерно для традиционной интерпретации роли государства в неоклассическом направлении. Критики данного исследования небезосновательно говорили о необъективности авторов, идеологической обусловленности, игнорирование фактов, не согласующихся с неоклассической парадигмой²³.

В противоположность неоклассике, в центре внимания «ревизионистского» подхода – активная роль государства. Од-

нако признание государственного участия в формировании структуры экономики не является для этого направления самоцелью. Как отмечает одна из ярких представительниц данного направления А. Амсен, существует множество примеров экономического развития, в которых государственные вмешательства повлекли за собой негативные последствия. Специфика же экономического развития азиатских НИС заключается именно в положительном влиянии государственных интервенций на экономическое развитие.

Р. Уэйд выделяет три определяющих фактора, в которых проявилось активное государственное вмешательство: накопление капитала, протекционистская политика и селективная промышленная политика²⁴.

Р. Уэйд приходит к схожим выводам, что и Л. Вестфаль, а именно, он подмечает двойственный характер импортных тарифов и количественных ограничений в зависимости от отрасли (экспортная или импортозамещающая). Низкий уровень импортных тарифов, который Б. Балаша трактовал, как отсутствие протекционистских мер, действовал только по отношению к импортируемому оборудованию, материалам, используемым в экспортном производстве азиатских НИС. На иностранную готовую продукцию, при существующих отечественных аналогах, эти льготы не распространялись. Подобный двойной режим, по мнению Р. Уэйда, позволил избежать таких традиционных негативных последствий протекционистской политики, как недостаточная конкурентоспособность отечественного производителя на мировом рынке по качеству и цене. Наряду с протекционистскими мерами применялось субсидирование (льготные кредиты, дополнительные лицензии на импорт материалов при высоких показателях экспорта), стимулирующее национальных производителей выходить на мировой рынок.

Анализируя промышленную политику азиатских НИС, Р. Уэйд отмечает ее селективный характер – ориентированность на развитие отдельных отраслей и изменение отраслевой структуры промышленности. Подобная политика не следовала рынку, а шла впереди него (*industrial policy that leads market*)²⁵.

Свой подход к анализу экономического развития азиатских экономик А. Амсен выстраивает на основе концепции стран

«поздней индустриализации», к которым она относит азиатские НИС. В основе процесса поздней индустриализации лежит догоняющее развитие (*flying geese pattern*), которое дополняется национальными особенностями процесса индустриализации, в случае с восточноазиатскими странами – это активная роль государства²⁶. А. Амсен предпринимает попытку объяснить причину положительных результатов государственных интервенций. В своих рассуждениях автор отталкивается от «символа поздней индустриализации – субсидий»²⁷, являвшихся основным инструментом государственной поддержки национальных предприятий-экспортеров, выходящих на мировой рынок, а также служивших механизмом изменения промышленной структуры в сторону отраслей с большей добавленной стоимостью. Другие развивающиеся страны, в частности латиноамериканские, также пошли по этому пути, однако результаты были иными. Объяснение этому А. Амсен видит в лучшем функционировании государственных институтов. Вместе с выдаваемыми субсидиями восточноазиатским предприятиям и банкам устанавливались определенные стандарты, которым они должны были соответствовать в производстве, экспортной деятельности, а позже и в НИОКР²⁸. Подобный дисциплинирующий эффект и определил положительные результаты государственного вмешательства. Однако А. Амсен не отрицает важность рыночных сил и отмечает, что они также оказывают дисциплинирующее воздействие, особенно в период экспортной ориентации.

Особого внимания заслуживает объяснение механизма структурных изменений в экономике. В своей работе А. Амсен взамен эволюции сравнительного преимущества с опорой на рыночные стимулы предлагает рассматривать механизм государственного субсидирования: формированию большинства экспортных отраслей предшествовал длительный период субсидирования (например, развитие экспортоориентированной текстильной отрасли в Корее в 1960-х гг. стало результатом государственной финансовой поддержки в 1950-х гг.). Таким образом, этапы первичного и вторичного импортозамещения соответствуют периодам субсидирования, в течение которого «вызревали» будущие экспортные отрасли. При такой поста-

новке вопроса эти противоположные периоды представляются в качестве отдельных элементов единой стратегии.

Позиция А. Амсден, с одной стороны, является попыткой создать новый подход к осмыслению восточноазиатского варианта экономического развития, с другой, представляет сочетание предыдущих подходов. Элементы «теории зависимости»²⁹ обнаруживают себя в концепции «поздней индустриализации», происходившей в том числе по модели «летающих гусей», а к ней очень близка теория жизненного цикла продукта, используемая в «теории зависимости». Неоклассическая парадигма прослеживается в обращении к теории о сравнительных преимуществах. Говоря об определяющей роли качества функционирования институтов, А. Амсден объясняет успех азиатских НИС с позиций институционализма. Подобная эклектичность позволяет преодолеть ограничения каждого из подходов и больше приблизиться к пониманию природы модели экономического развития азиатских НИС.

В начале 1990-х гг., практически одновременно с выходом вышеуказанных работ, стали появляться публикации, в которых утверждалось, что восточноазиатская модель, исчерпала себя. Их авторы утверждали, что стратегия, основанная на экспортной ориентации и дешевой рабочей силе, достигла своих пределов. Увеличившаяся заработная плата привела к переносу трудоемких производств и к перераспределению потоков ПИИ в пользу Китая и стран Юго-Восточной Азии, в то время как более высокотехнологичное производство по-прежнему опиралось на импорт технологий из Японии и США, что давало повод наблюдателям называть все это «ростом без развития»³⁰. В конце 1990-х гг. азиатский финансовый кризис стал еще одним доводом на стороне тех, кто предсказывал скорый закат азиатских НИС.

В центре внимания литературы этого периода оказывается вопрос о природе экономического роста азиатских НИС. В своих работах А. Янг, П. Кругман, Дж. Ким, Л. Лау эконометрически доказывают, что в основе экономического роста азиатских НИС лежит не увеличение совокупной факторной производительности (TFP), или технологическое изменение, а наращивание объемов используемых факторов производства³¹. Так, А.

Янг приводит данные о многократном увеличении доли работающего населения, а также о колоссальном увеличении доли инвестиций по отношению к ВВП на протяжении всего экономического развития этих стран: например, в Сингапуре в период с 1960 и 1984 гг. первый показатель вырос с 27% до 50%, а второй – с 10% до 47%³². Получившаяся картина шла вразрез с общепринятым мнением о том, что рост ТФР в НИС Азии был достаточно высок³³, что и послужило поводом для разговоров о мифической природе восточноазиатского «экономического чуда». Так, П. Кругман в своей статье «Миф об азиатском чуде» отрицает уникальность опыта азиатских НИС (в частности, Сингапура) и даже соотносит с экономическим развитием СССР. В этой связи прогнозы П. Кругмана касательно перспектив азиатских экономик весьма не утешительны: чтобы их рост продолжался, необходимо все большее вливание ресурсов, которое вряд ли возможно, следовательно, темпы роста Сингапура вскоре должны замедлиться.

Выводы, к которым пришли в своих работах А. Янг, П. Кругман, Дж. Ким и Л. Лау в ответ вызвали целую волну публикаций, призванных оспорить их гипотезу. Так, Ч. Лианг, Э. Чен, Г. Пак ссылались на использование своими предшественниками различных (иногда не совсем точных) техник оценки ТФР³⁴. Схожую точку зрения высказывает и Дж. Стиглиц, считая, что в силу несовершенства техник подсчета весь спор о ТФР вообще не имеет смысла³⁵. Ч. Лианг отмечает, что игнорирование показателя структурных изменений в промышленности при подсчете ТФР приводит к заниженной оценке данного показателя³⁶.

Наиболее аргументированная критика позиции А. Янга, П. Кругмана, Дж. Кима и Л. Лау была выдвинута Э. Ченом. Проблему оценки ТФР он видел не только в несовершенстве техник, но и в самом определении понятия технологического изменения, которое олицетворяет ТФР. Согласно его точки зрения, технологическое изменение охватывает как воплощенное (качественные улучшения факторов производства – повышение уровня квалификации рабочей силы, обновление и усовершенствование капитального оборудования), так и невоплощенное технологическое изменение (остаток ТФР, выражающий собственно

экзогенное технологическое изменение)³⁷. Высокие показатели ТФР в предыдущих исследованиях связаны с недостаточной поправкой на качественные улучшения факторов производства, в результате воплощенные качественные изменения относились к остатку ТФР, отсюда более высокие значения этого показателя. В работах А. Янга, Дж. Ким и Л. Лау наоборот произведена тщательная поправка на качественные улучшения факторов производства, что в результате привело к более скромным числам ТФР. На основе этого Э. Чен приходит к выводу, что низкий показатель вовсе не означает отсутствия технологических изменений. Скорее это свидетельствует о том, что качественное улучшение факторов, или воплощенное технологическое изменение, является основным и более важным компонентом технологического изменения как для азиатских НИС, так и для развивающихся стран в целом³⁸. В этом и заключается специфика экономического развития рассматриваемых стран. В этой связи заключение П. Кругмана и его единомышленников о скором исчерпании источников роста в азиатских НИС и замедлении его темпов теряет основания. Пессимистичные выводы о будущем этих стран действительно представляются достаточно поспешными. Самое важное доказательство этому, пожалуй, преподносит сама реальность. При сохраняющихся высоких темпах роста, азиатские НИС «первой волны» достигли современного уровня развития высокотехнологичных отраслей (точное машиностроение, микроэлектроника, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и пр.)

Постепенно эволюционируя от упрощенных и однозначных определений в строгих рамках одной теории к более сложным, сочетающим различные подходы, выводам, многочисленные интерпретации экономического развития азиатских НИС позволили понять многие аспекты восточноазиатской модели. По такому пути, например, шел спор о соотношении роли государства и рыночных сил и стратегиях индустриализации (экспортная ориентация и импортозамещение). Можно сказать, что изучение восточноазиатского опыта экономического развития в какой-то степени обогатило и саму экономическую мысль.

Подводя итог многочисленным «за» и «против» в спорах об уникальности опыта азиатских НИС и основных факторах

их успеха, важно помнить о том, какой беспрецедентный скачок в своем экономическом развитии совершили эти страны. Пожалуй, наилучшим доказательством этого стало произошедшее в конце 1990-х гг. получение Тайванем, Южной Кореей, Гонконгом и Сингапуром статуса индустриально развитых государств.

¹ Hein S. Trade Strategy and the Dependency Hypothesis: A Comparison of Policy, Foreign Investment, and Economic Growth in Latin America and East Asia // *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 40, No. 3, 1992, pp. 495-521.

² Barrett R., Whyte M. Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case // *The American Journal of Sociology*, Vol. 87, No. 5, 1982, p. 1076.

³ Cumings B. The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: industrial sectors, product cycles, and political consequences // *International Organization*, No. 1, 1984, p. 8.

⁴ Ibid, p. 27.

⁵ Evans P. Class, State and Dependence in East Asia: Lessons for Latin Americanists // Deyo Fr. (ed.) *The Political Economy of the New Industrialism*, Ithaca-London, 1987, pp. 208-209.

⁶ Мозиас П.М. Указ. Соч. С. 79.

⁷ Ibid.

⁸ Barrett R., Whyte M. Op. cit., p. 1086.

⁹ Ibid, p. 1085.

¹⁰ Gereffi G. Rethinking Development Theory: Insights from East Asia and Latin America // *Sociological Forum*, Vol. 4, No.4, 1989, pp. 517, 527.

¹¹ Wolf Ch. *Markets or Governments: Choosing between Imperfect Alternatives* Cambridge. Mass: MIT Press, 1988, p. 27; Chen E. *Hyper-Growth Asian Economies: A Comparative Study of Hong Kong, Japan, Korea, Singapore, and Taiwan*. New York: Macmillan, 1979, p. 41.

¹² Анализируя факторы, определившие успех азиатских НИС, Б. Балаша резюмировал, что «нейтральность и стабильность системы стимулов вместе с ограниченными государственными вмешательствами, хорошо функционирующие рынки труда и капитала, опора на частный сектор стали основными составляющими высоких экономических показателей в Восточной Азии». Balassa B. *The Lessons of East Asian Development: An Overview* // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 36, issue 3, 1988, p. S288.

¹³ Ibid, pp. S280-S281.

¹⁴ Ibid, p. S285.

¹⁵ Westphal L. *Industrial Policy in an Export Propelled Economy: Lessons*

from South Korea's Experience // *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 4, No. 3, 1990, p. 44.

¹⁶ Ibid, p. 45.

¹⁷ Ibid, p. 47.

¹⁸ Ibid, p. 53.

¹⁹ World Bank. *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy*. N. Y., 1993, 389 p.

²⁰ Ibid, p. 6.

²¹ Ibid, pp. 333-334.

²² Lal S. *The East Asian Miracle: Does the Bell Toll for Industrial Strategy?* // *World Development*, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 645-654.

²³ Примером таких критических публикаций могут послужить: Kwon J. *The East Asia Challenge to Neoclassical Orthodoxy* // *World Development*, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 635-644; Amsden A. *Why isn't the whole world experimenting with the East Asian model to develop?: Review of the East Asian miracle* // *World Development*, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 627-633; Wade R., Wolfson L. *Japón, el Banco Mundial y el arte del mantenimiento del paradigma: El milagro del Este asiático en perspectiva política* // *Desarrollo Económico*, Vol. 37, No. 147, 1997, pp. 351-387.

²⁴ Wade R. *What Can Economics Learn from East Asian Success?* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 505, 1989, p. 69.

²⁵ Ibid, p. 78.

²⁶ Amsden A. *Diffusion of Development: The Late-Industrializing Model and Greater East Asia* // *The American Economic Review*, Vol. 81, No. 2, 1991, p. 283.

²⁷ Ibid, p. 285.

²⁸ Ibid, p. 284.

²⁹ У А. Амсден есть более ранняя работа, выполненная в рамках «теории зависимости» - *Taiwan's Economic History: A Case of Etatisme and a Challenge to Dependency Theory* // *Modern China*, Vol. 5, No. 3, 1979, pp. 341-379.

³⁰ Sen S. *Asia: Myth of a Miracle* // *Economic and Political Weekly*, Vol. 33, No. 3, 1998, p. 439.

³¹ Krugman P. *The Myth of Asia's Miracle* // *Foreign Affairs*, Vol. 73, No. 6, 1994, p. 77.

³² Young A. *The Tyranny of Numbers: Confronting the Statistical Realities of the East Asian Growth Experience* // *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 110, 1995, pp. 644-645.

³³ Например, в отчете Всемирного банка 1993 г. утверждается, что на увеличение ТФР приходится примерно 1/3 экономического роста азиатских НИС, что превышает показатели развивающихся и

индустриально развитых стран. См.: World Bank. Op. cit., pp. 47-48.

³⁴ Chen E. The Total Factor Productivity Debate: Determinants of Economic Growth in East Asia // *Asian-Pacific Economic Literature*, 11 (1), 1997, p. 27.

³⁵ World Bank. *Rethinking East Asian Miracle*. Stiglitz J., Yusuf S (eds.). Oxford University Press, 2001, p. 512.

³⁶ Liang Ch. Industrial Structure Changes and the Measurement of Total Factor Productivity Growth: The Krugman-Kim-Lau-Young Hypothesis Revisited, Paper for Third ICPA workshop in Tokyo, 2002, p. 4.

³⁷ Chen E. Op. cit., pp. 24, 28.

³⁸ Ibid, p. 25.

Список литературы

1. Мозиас П.М. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки // *Проблемы Дальнего Востока*, 2001, №№1, 2.

2. Amsden A. Diffusion of Development: The Late-Industrializing Model and Greater East Asia // *The American Economic Review*, Vol. 81, No. 2, 1991, p. 282–286.

3. Amsden A. Why isn't the whole world experimenting with the East Asian model to develop?: Review of the East Asian miracle // *World Development*, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 627-633;

4. Balassa B. The Lessons of East Asian Development: An Overview // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 36, issue 3, 1988, pp. S273–S290.

5. Barrett R., Whyte M. Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case // *The American Journal of Sociology*, Vol. 87, No. 5, 1982, pp. 1064 -1089.

6. Chen E. *Hyper-Growth Asian Economies: A Comparative Study of Hong Kong, Japan, Korea, Singapore, and Taiwan*. New York: Macmillan, 1979, p. 41.

7. Chen E. The Total Factor Productivity Debate: Determinants of Economic Growth in East Asia // *Asian-Pacific Economic Literature*, 11 (1), 1997, pp. 18–38.

8. Cumings B. The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: industrial sectors, product cycles, and political consequences // *International Organization*, No. 1, 1984, 40 p.

9. Evans P. Class, State and Dependence in East Asia: Lessons for Latin Americanists // Deyo Fr. (ed.) *The Political Economy of the New Industrialism*, Ithaca-London, 1987, pp. 203–226.

10. Gereffi G. Rethinking Development Theory: Insights from East Asia and Latin America // Sociological Forum, Vol. 4, No.4, 1989, pp. 505-533.
11. Hein S. Trade Strategy and the Dependency Hypothesis: A Comparison of Policy, Foreign Investment, and Economic Growth in Latin America and East Asia // Economic Development and Cultural Change, Vol. 40, No. 3, 1992, pp. 495-521.
12. Krugman P. The Myth of Asia's Miracle // Foreign Affairs, Vol. 73, No. 6, 1994, pp. 62-78.
13. Kwon J. The East Asia Challenge to Neoclassical Orthodoxy // World Development, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 635-644.
14. Lal S. The East Asian Miracle: Does the Bell Toll for Industrial Strategy? // World Development, Vol. 22, No. 4, 1994, pp. 645-654.
15. Liang Ch. Industrial Structure Changes and the Measurement of Total Factor Productivity Growth: The Krugman-Kim-Lau-Young Hypothesis Revisited, Paper for Third ICPA workshop in Tokyo, 2002, 21 p.
16. Sen S. Asia: Myth of a Miracle // Economic and Political Weekly, Vol. 33, No. 3, 1998, pp. 113-115.
17. Wade R. What Can Economics Learn from East Asian Success?// Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 505, The Pacific Region: Challenges to Policy and Theory (Sep., 1989), pp. 68-79.
18. Wade R., Wolfson L. Japón, el Banco Mundial y el arte del mantenimiento del paradigma: El milagro del Este asiático en perspectiva política // Desarrollo Económico, Vol. 37, No. 147, 1997, pp. 351-387.
19. Westphal L. Industrial Policy in an Export Propelled Economy: Lessons from South Korea's Experience // The Journal of Economic Perspectives, Vol. 4, No. 3, 1990, pp. 41-59.
20. Wolf Ch. Markets or Governments: Choosing between Imperfect Alternatives. Cambridge. Mass: MIT Press, 1988.
21. World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. N. Y., 1993, 389 p.
22. Young A. The Tyranny of Numbers: Confronting the Statistical Realities of the East Asian Growth Experience // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 110, 1995, pp. 641-680.